

10.10.97

Он ворвался в кино стремительно, звонко и ярко. Главная роль в фильме "Любовь", сыгранная Евгением Мироновым с пронзительной, исповедальной силой, сразу вывела его в лидеры новой актерской волны. Сегодня ему только тридцать, а он уже знаменит, как, может, ни один актер из его поколения. Всевозможные призы и награды на него так сыплются, едва ли не каждая новая роль в кино или театре, становится событием.

— Женя, вы ведь совсем молодой человек, а уже такое признание. Скажите честно, "крыша" не едет?

— Если вдуматься, я не так уж и молод. Лермонтов, как известно, погиб в 27 лет, а уже все успел сказать. Что до призов и премий, то я как-то мало о них думаю. Они приходят, а я работаю дальше. Так что "крыша" на месте.

— Вы приехали в столицу из Саратова. Небось, вами двигало стремление завоевать Москву?

— А как же иначе? Это нормальное, естественное, здоровое желание для каждого провинциала. Но я не представлял, конечно, в какие "атмосферные слои" попаду. Думал: столица и столица, а это такой мегаполис, где очень легко затеряться...

— Но у вас был на вооружении опыт ваших знаменитых предшественников — Олега Табакова, Олега Янковского. Их пример как-то вдохновлял?

— Меня, конечно, грела мысль, что Табаков из Саратова, потому что я очень хотел у него учиться. Мне казалось: стоит только заикнуться, что мы земляки, он сразу выдаст мне диплом, непременно "красный". Но ничего этого, понятно, не случилось.

— Однако хоть теплота во взоре у Олега Павловича проскользнула?

— Это да. У него теплота ко всем саратовским. Но она тут же может и ускользнуть. Недавно был у нас в театре на прослушивании один саратовский парень, средненький, надо сказать, способностей, и Табаков его не взял. Мне тоже сначала нелегко пришлось.

— Много лет назад, если помните, я опубликовал заметку о ваших первых творческих победах. Вы уже тогда сыграли в "Любви", вовсю блистали на сцене "Табакерки", а жили, помню, вместе с родителями в общежитии, где был один телефон на весь этаж, а может, и на все здание...

— Были, конечно, неприятные моменты, связанные с бытом, но я, честно говоря, уже слабо это помню. Жил в общежитии? Так все жили. Володя Машков — тот лет пятнадцать по общагам скитался, а я только десять... Что еще помню? Очередь в душ, очередь к телефону. Но от этого не умирают. Меня подобные жизненные невзгоды только закаляют.

Гораздо труднее было другое — определиться внутренне, выработать свою жизненную философию, найти желание и время для учебы, самообразования. Я ведь сначала много не знал, не умел, не понимал, привели меня на концерт Рихтера, а я понятия не имел, кто это такой, хотя закончил музыкальную школу. Словом, надо было многое постигать заново. И я учился, брал отовсюду, откуда можно было взять. То есть я копил, копил, копил, а потом встал и пошел. Хотя учиться продолжаю и сегодня.

— Вот вы сказали: своя жизненная философия. Что для вас это значит? Хотя бы в самых общих чертах...

— А это очень просто. Есть очень любимая мною актерская профессия, а вокруг нее, как водится, много накипи, фальши, пены. На днях мне один деятель бросил как само собой разумеющееся: "Но вам же нужен промоушн!" Так вот, никакой промоушн мне не нужен. Я само это понятие не перевариваю. И популярность ради популярности мне не интересна. У меня было много возможностей стать, образно говоря, вторым Якубовичем,

Я ХОТЕЛ БЫ СЕБЯ НЕ ЗНАТЬ

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ:

ПОПУЛЯРНЫЙ АКТЕР ОТНОСИТСЯ К КАЖДОЙ РОЛИ КАК К ТАИНЕ, КОТОРУЮ ПРЕДСТОИТ РАЗГАДАТЬ

вести какую-нибудь популярную передачу, благо такие предложения возникают чуть ли не каждую неделю. Но для меня главное — не узнаваемость облика, а работа. Моя работа. Телевидение — это другая профессия, ею нужно заниматься серьезно, как это делают, к примеру, Молчанов, Познер... А я хочу отвечать за фильм, за спектакль, за это вот интервью, поскольку это тоже часть моей работы. Я хочу, чтобы по ним судили обо мне, а не по тому, как я занимаюсь любовью, какого цвета у меня трусы и какая у меня марка автомобиля. Все это и есть пена.

— Но многие нынче охотно купаются в ее бурных волнах...

— Дай им Бог здоровья. Недавно, помню, мы говорили в компании про одного режиссера, и никто не мог вспомнить, что же он сделал. А имя — вот парадокс — у всех на слуху. Для этого нужен, наверное, какой-то особый талант. К счастью или несчастью, я им не обладаю. А иной снимет фитильку, клип жалкий, а звону-то, звону! Устраивается целое шоу с показом по телевидению, приходят солидные люди, произносят речи... Смешно.

— Сами-то вы, стало быть, закоренелый противник "тусовок", светской жизни?

— Ну как вам сказать... Например, за всю мою творческую жизнь это первый фестиваль (разговор происходил в Юрмале, во время "Балтийской жемчужины"). — Л.П.), на который я приехал без картины, да и то всего на день. Меня Марк Рудинштейн звал в Сочи на "Кинотавр", но я не поехал: нет фильма — значит, мне там нечего делать. Просто отдохнуть? Так я накоплю денег и отдохну в другом месте. Зачем же напрягать фестиваль бюджет? Наверное, я не такой хороший,

как вам об этом сейчас рассказываю. Случается, посещаю вполне праздные мероприятия. Но главное — не заиграться в эти игры. Здесь, конечно, важно доверять своему внутреннему голосу, чутью. Алла Демидова, с которой мы здесь хорошо пообщались, считает, например, что можно сняться и в дерзком фильме, но, если ты отдаешь себе в этом отчет, то это уже как бы не опасно. Может, оно и так, но лучше лишний раз не рисковать...

— И что же, у вас нет "провальных" фильмов, ролей?

— В каждой роли есть какие-то

Трух - 7. - 1997. - 10 окт. - с. 20.

лучать фильмы в целом. У меня такой характер, что я не могу тянуть только свою "мелодию" — влезаю во все, начиная со сценария и заканчивая едва ли не монтажом. Только что я снялся в фильме "Змеиный источник" у молодого режиссера Николая Лебедева. Он принес мне сценарий и предложил роль на выбор. Я выбрал, многое мы придумывали по ходу съемок. За весь фильм не поручусь, но такой роли у меня еще не было...

— Так что дело не в абстрактной планке, а в ощущении: кому я верю, а кому нет.

— Поговорим о том, что назы-

стве". Табаков любит повторять чью-то мысль, что у плохого артиста пять штампов, а у хорошего пятьсот. Я с этим не согласен. Не могу представить, что когда-нибудь в ответ на просьбу режиссера сыграть такое-то чувство, состояние я спокойно достану из своей актерской копилки штамп, допустим, номер 233 или 499. Тогда я точно кончусь как актер. Я хотел бы не знать себя, своих возможностей. Во всяком случае я стараюсь относиться к каждой роли, как к тайне, которую предстоит разгадать.

— Есть ли тайны, которые для вас — за семью печатями?

вают творческой лабораторией. Мне интересно, с чего вы начинаете подступы к роли?

— С зубрежки текста. Во всяком случае, роль Глумова, которую я репетирую у Табакова в пьесе Островского "На всякого мудреца довольно простоты", начиналась с этого.

— Вы пробуете отшутиться. И все же... Кто-то, я знаю, идет в библиотеку, кто-то изучает, как трактовали роль предшественники, кто-то наблюдает людей и жизнь, ищет характерные жесты, походку...

— Все это так, все идет в дело: книги, разговоры, раздумья ночные. Когда мы репетировали спектакль "Карамазовы и ад", я две недели провел в "Кашенко". Ходил, смотрел, подмечал, как больные ходят, едят, смеются, — мне казалось это важным для роли. Особенно поразила меня какая-то огромная внутренняя сосредоточенность больных. Иной из них смотрит на тебя — и не видит. Потому что на самом деле он смотрит внутрь себя. Я приходил, довольный, к Фокину, показывал найденное, он смотрел и говорил: "Это здорово, но нам не пригодится".

— Странно, ведь это такие яркие краски...

— В том-то и дело, что я тащил ему краски-раскраски, какие-то сочные, "говорящие", как мне казалось, детали поведения моего героя, а он хотел, чтобы все это переплавилось в мое душевное состояние. Чтобы внешне стало внутренней сутью. Это путь, конечно, чреватый тем, что сам загремишь в "Кашенко", но для того, чтобы хорошо сыграть роль, нужно ею заболеть.

— Это как?

— А это когда ни на минуту не покидает мысль о твоём персонаже. Ты лежишь в ванной, смотришь телевизор, ведешь машину, а мысль, душа, интуиция работают в одном направлении. Когда я стал регулярно пропускать свою остановку метро, я понял, что к роли Ивана Карамазова готов... Это, конечно, шутка, а правда состоит в том, что, когда я снимался в своей первой картине, было ощущение, что мой герой — это я сам. Это я, юный и пылкий, влюблен в эту девушку, это я ревную, это я схожу с ума оттого, что мы с ней расстаемся на всю жизнь...

— А всегда удается "заболеть"? Или инстинкт самосохранения все же подсказывает: вот в этой роли надо "сгореть" без остатка, а следующую можно сыграть на одном мастерстве?

— Боюсь показаться самонадеянным наглецом, но у меня нет ни одной роли, которая, как вы говорите, сделана "на голом мастер-

— Другими словами, есть ли роли, которые мне не по зубам? Наверное... Для Ромео, пожалуй, буду староват, хотя все говорят, что выгляжу моложе своих лет. Я не женщина, чтобы смотреться в зеркало, но учитывать в работе возраст приходится. Сергей Газаров (режиссер "Ревизора". — Л.П.) недавно сказал, что еще год-другой, и я бы не смог сыграть Хлестакова. Это правда. Легкость, непосредственность, необходимые для этой роли, — они с годами ведь уходят, улечиваются. А мудрость, без которой не сыграешь короля Лира, наоборот, появляется с жизненным опытом, сединами. А в остальном... Хочется пробовать себя в трагедии и водевиле, в классике и "злобе" дня, в драме и фарсе...

— Ну и напоследок пару легкомысленных вопросов...

— А без них нельзя?

— Боюсь, читатели не поймут. Иногда мы встречаемся на столь нелюбимых нами светских "тусовках". Я заметил: вы всегда появляетесь с новой девушкой...

— Это говорит только о том, что мы встречаемся с большими интервалами.

— А мне казалось, это говорит о вашем непостоянстве...

— И об этом отчасти тоже. Если честно, я действительно влюбчивый человек. Не могу сделать окончательный выбор.

— В чем дело: вам не везло с девушками или им с вами?

— Поскольку мы с вами джентльмены, давайте остановимся на последнем варианте...

— И все же вам уже тридцать — не пора ли подумать о семье?

— Кто спорит: семья — великое дело. Вон Табаков какой молодой бегаёт, просто пацан какой-то. Потому что влюблен, любим и счастлив. Надеюсь, не минет это состояние и меня. Да и куда оно денется?

— Уж больно профессия у вас жестокая. Я знаю массу примеров, когда люди, истово служащие искусству, так и остаются одиночками.

— И все же давайте не будем торопить события. Помимо всего прочего, я человек ответственный и хочу, чтобы моя любимая женщина жила в нормальных условиях. "С милым рай и в шалаше" — это поговорка не для меня. Так что надо сначала заработать на квартиру, обеспечить достойное существование мне и моей будущей семье. А поскольку те проекты, в которых мне сегодня интересно участвовать, чаще всего делаются на энтузиазме, то разбогатеть мне не скоро удастся...

Вел беседу Леонид ПАВЛЮЧИК.

Р.С. Когда этот материал готовился к печати, в редакцию пришло известие: Евгений Миронов стал заслуженным артистом России. Получить такое высокое звание в тридцать лет редко кому удавалось. Напомним, что чуть ранее Миронов стал самым молодым лауреатом Государственной премии России. Поздравляем талантливого артиста и желаем ему новых творческих успехов.

Миронов Евгений